

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.М. Кремлевский

Первородный грех по учению блаж. Августина Иппонского

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1902. № 6. С. 725-756.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

ПЕРВОРОДНЫЙ ГРѢХЪ

ПО УЧЕНІЮ БЛАЖ. АВГУСТИНА ИППОНСКАГО. *).

ЕСЛИ доселѣ сужденія Юліана не противорѣчили буквальному тексту, то отселѣ онъ находитъ себя вынужденнымъ прибѣгать къ явнымъ натяжкамъ для того, чтобы остаться вѣрнымъ своему взгляду на смыслъ 12-го стиха. Напротивъ, сужденія Августина приобрѣтають отселѣ болѣе силы и значенія.

Ибо и до закона грѣхъ былъ въ міръ, но грѣхъ не вмпнялся, когда нѣтъ закона; но смерть царствовала отъ Адама до Моисея и надъ несогрѣшившими подобно преступленію Адама, который есть образъ будущаго. Ходъ мыслей апостола довольно ясенъ. Сказавъ о вхожденіи въ міръ грѣха и смерти чрезъ Адама, апостолъ, прежде чѣмъ указать на подобное же вхожденіе въ міръ праведности чрезъ Христа, въ поясненіе и доказательство первой мысли приводитъ нѣсколько соображеній, именно, указываетъ на очевидный фактъ господства смерти въ родѣ человѣческомъ, фактъ, объяснимый только всеобщимъ паденіемъ людей въ Адамъ, такъ какъ до закона не могло быть такого строгаго вмпненія грѣха, какое явилось послѣ закона и какое имѣло мѣсто только въ грѣхѣ перваго человѣка, т. е. наказанія смертію; не было этого вмпненія,

*) См. майскую книжку „Христіанскаго Чтенія“.

не все умирали; ясно, что умирали не все, а только асообнаго паденія въ Адамѣ. Таковъ прямой смыслъ словъ апостола. Иначе объясняютъ ихъ Юліанъ. Впрочемъ, онъ не столько объясняетъ ихъ, сколько, пользуясь ими, нападаетъ на своеобразное ученіе Августина о первородномъ грѣхѣ. Въ собственныхъ объясненіяхъ онъ путается, но въ критикѣ августинизма обнаруживаетъ значительную силу, и опять: Августинъ сколько легко и побѣдоносно защищаетъ ученіе о падшей природѣ, столько же оказывается слабъ защитить свое понятіе о первородномъ грѣхѣ. Признавая, что единымъ человѣкомъ вошелъ въ міръ и перешелъ на всѣхъ людей именно самъ первый грѣхъ Адама, какъ грѣхъ первородный, Августинъ и въ словахъ: *до закона грѣхъ былъ въ мірѣ* долженъ былъ видѣть указаніе на первородный грѣхъ. Такое пониманіе и приписываетъ ему Юліанъ, при чемъ, конечно, не затрудняется въ опроверженіи его, такъ какъ уже самыя слова — *грѣхъ не вмѣнялся* ясно показываютъ несостоятельность такого пониманія. Августинъ не отрицаетъ, что въ данномъ случаѣ онъ разумѣетъ первородный грѣхъ, поясняя только, что онъ разумѣетъ здѣсь всякій грѣхъ, и первородный и собственные (Or. imp. II, 74). Въ частности, въ выраженіи «до закона» Юліанъ видитъ указаніе на то, что послѣ явленія закона, Моисеева или евангельскаго, грѣха не стало, явилось преступленіе, а не грѣхъ. Онъ различаетъ понятія — грѣхъ и преступленіе въ томъ смыслѣ, что подъ первымъ разумѣетъ нарушеніе внутренняго нравственнаго закона совѣсти, а подъ вторымъ сверхъ того — и писаннаго, такъ что второе гораздо тяжелѣе перваго. Августинъ, не возражая противъ такого различенія понятій — грѣхъ и преступленіе, въ отвѣтъ старается только доказать, что выраженіе «до закона грѣхъ былъ въ мірѣ» не требуетъ признанія, что послѣ явленія закона не стало грѣха (Or. imp. II, 69—70. 199). Но онъ опускаетъ изъ вниманія, что и Юліанъ этого не предполагаетъ, а говоритъ только, что послѣ явленія закона грѣхъ получилъ особенную виновность, такъ какъ сталъ преступленіемъ. Очевидно, о томъ, что грѣха (первороднаго) не стало послѣ закона, Юліанъ говоритъ только *ad hominem*, въ полемическихъ цѣляхъ.

Грѣхъ не вмѣняется, когда нѣтъ закона, т. е., по объясненію Августина, грѣхъ не былъ извѣстенъ, не считался грѣхомъ, Самимъ же Богомъ онъ не считался какъ бы

несуществующимъ, потому что написано: *тѣ, которые не имѣя закона, согрѣшили, вне закона и погибнуть* ¹⁾. Толкованіе очевидно натянутое, потому что рѣчь идетъ о вѣнненіи грѣха человѣку Богомъ, а не самимъ человѣкомъ; оно вызвано необходимостію для Августина разумѣть подъ грѣхомъ именно первородный грѣхъ, первый грѣхъ Адама. О первородномъ грѣхѣ ни въ какомъ смыслѣ нельзя сказать, что его не вѣннѣлъ Богъ до закона или послѣ закона, знали ли люди объ этомъ грѣхѣ или не знали. Юліанъ считаетъ излишнимъ доказывать, что рѣчь идетъ о вѣнненіи грѣха Богомъ и пользуется словами апостола весьма сильно противъ Августина. Если, аргументируетъ онъ, грѣхъ по передачѣ (*peccatum ex traduce*, то, что Августинъ называлъ *peccatum originale*) не вѣннѣлся до закона, то покажи, что онъ вѣннѣлся послѣ явленія закона. Если чрезъ законъ познаніе грѣха, а до закона—невѣдѣніе грѣха, то нужно признать, что главною причиною объявленія закона было обнаруженіе и предостереженіе отъ того, что прежде было скрыто. Здѣсь сущность спора: или покажи, что первородный грѣхъ вѣннѣлся кому-либо подъ закономъ, былъ показанъ, и тогда я соглашусь, что апостоль говоритъ о немъ именно, или же согласись, что апостоль говоритъ о томъ грѣхѣ, который подражаніемъ пріобрѣтается, волею совершается, разумомъ обличается, закономъ показуется, правдою наказуется. Словами — *грѣхъ не вѣннѣется, когда нѣтъ закона* апостоль исключаетъ мысль о передачѣ грѣха, потому что если до закона передача грѣха не вѣннѣлась, а послѣ явленія закона ея не было, то гдѣ же первородный грѣхъ? Ясно, что апостоль говоритъ о грѣхѣ свободной воли до закона и о преступленіи той же свободной воли послѣ закона. О грѣхѣ по передачѣ онъ ничего не говоритъ; онъ настойчиво утверждаетъ, что не всѣ осквернены преступленіемъ Адама, поелику даже среди тѣхъ, въ коихъ за нечестіе царствовала смерть, оказались весьма многіе, кои чужды преступленію Адама (т. е. виновны не въ преступленіи, а въ грѣхѣ).

Августинъ, чувствуя себя въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи и не желая отказаться отъ мысли, что рѣчь идетъ именно о грѣхѣ первородномъ, указываетъ на обрѣзаніе, какъ на доказательство вѣнненія первороднаго грѣха и

¹⁾ Римл. II, 12; De pecc. mer. I, 12.

до закона, хотя люди не знали и не вѣняли себя этого грѣха. Грѣхъ, пишетъ онъ, не вѣняется, когда нѣтъ закона, но не вѣняется людьми, кои не знаютъ неизслѣдимыхъ судовъ Божіихъ. Но если и Богъ не вѣняетъ грѣха, когда нѣтъ закона, то по какой причинѣ согрѣшившіе безъ закона и осудятся? Если въ законѣ не указывался первородный грѣхъ, то почему душа необрѣзаннаго ребенка истреблялась изъ народа (Быт. XVII, 12)? Почему при рожденіи ребенка приносилась жертва за грѣхъ (Лев. XII, 6)? Замолчи же, *attende infantem et imitare nonfantem* (взгляни на неговорящаго ребенка, и подражай неговорящему). Предписанное закономъ обрѣзаніе плоти наилучшимъ образомъ обозначаетъ уничтоженіе первороднаго грѣха Иисусомъ Христомъ. Всякій человѣкъ рождается съ тѣмъ, что названо «крайняя плоти» (*sum pгаerutіo*), какъ съ первороднымъ грѣхомъ. Законъ предписывалъ обрѣзаніе плоти въ 8-й день, потому что Христосъ воскресъ въ день Господень, который послѣ субботы есть восьмой. Обрѣзанный рождаетъ сына съ *pгаerutіum*, передавая ему то, отъ чего самъ свободенъ, подобно тому какъ и крещенный передаетъ своему сыну вину происхожденія (*reatum trajicit originis*), отъ которой самъ освобожденъ. Наконецъ, подъ закономъ написано въ псалмѣ: въ беззаконіяхъ зачатъ я и въ грѣхахъ питала меня мать моя въ чревѣ (Псал. I, 7). Видя это, не осмѣлитесь противорѣчить, если имѣете очи вѣры, подобныя очамъ Кипріяна, Амвросія и прочихъ учителей церкви. Въ словахъ—*до закона грѣхъ былъ въ мірѣ* сказано о всякомъ грѣхѣ, уничтожаемомъ чрезъ Христа, поелику закономъ не уничтожается ни первородный, ни собственный грѣхъ, ни тотъ, который былъ до закона, ни тотъ который былъ послѣ явленія закона. Ты утверждаешь, что апостолъ сказалъ о томъ грѣхѣ, который правдою наказуется; проснись и посмотри, здѣсь есть и первородный грѣхъ, ибо иначе правда Божія не наложила бы тяжкаго ига даже на дѣтей при самомъ появленіи ихъ. Этотъ грѣхъ наказуется и въ самомъ законѣ, потому что если бы его не было, то за какой собственный грѣхъ душа необрѣзаннаго ребенка погибала въ народѣ своемъ? ¹⁾.

Попытку Августина найти доказательство вѣненія первороднаго грѣха въ ветхомъ заветѣ въ установленіи обрѣзанія

¹⁾ Op. imp. II, 72—73; 200—201.

слѣдуетъ признать безусловно неудачною. Если душа необрѣзаннаго ребенка помышала за первородный грѣхъ, то отсюда естественно одѣлать выводъ, что значить обрѣзаніе освобождало отъ гибели и отъ причины ея, отъ первороднаго грѣха. Какъ ни странно слышать такую мысль, однако Августинъ довольно опредѣленно высказывалъ ее, онъ совершенно приравнивалъ по значенію обрѣзаніе ко крещенію. Онъ ясно высказываетъ мысль, что *ргаerutium* обозначало тѣло грѣха или первородный грѣхъ и потому обрѣзаніе совершалось для совлеченія тѣла грѣховнаго, для того, чтобы благодатію духовнаго возрожденія «совлечь долгъ полученный отъ заразы плотскаго рожденія», «для уничтоженія первороднаго грѣха» (*ut peccatum originale auferatur*) ¹⁾. Отсюда онъ называетъ обрѣзаніе таинствомъ и утверждаетъ, что оно освобождало людей отъ вѣчнаго наказанія ²⁾. Онъ предполагаетъ, что и до обрѣзанія существовало какое-нибудь таинство для оставленія грѣховъ, можетъ быть — жертва ³⁾. Правда онъ, оговариваясь, что *ргаerutium* не есть грѣхъ, а только означаетъ грѣхъ, и что обрѣзаніе не есть возрожденіе, а только *signum regenerationis*, знакъ возрожденія ⁴⁾, но дѣйствіе обрѣзанія и крещенія оказывается совершенно одно и то же.

Однако и Юліану не много помогаетъ настойчивое увѣреніе, что подъ грѣхомъ, невмѣняемымъ до закона, слѣдуетъ разумѣть не первородный грѣхъ, а грѣхъ, который волею совершается, совѣстію обличается, закономъ указывается, т. е. всякій собственный грѣхъ человѣка. Во первыхъ, Юліанъ здѣсь становится въ противорѣчіе съ самимъ собою, такъ какъ грѣхъ, указуемый закономъ, онъ называетъ преступленіемъ, о которомъ никакъ нельзя сказать, что онъ не вмѣняется. Во вторыхъ, самое различеніе грѣха и преступленія мало помогаетъ Юліану, потому что самъ же онъ признаетъ, что и то, что онъ называетъ грѣхомъ, т. е., нарушеніе внутренняго нравственнаго закона, вмѣнялось такъ же, какъ и преступленіе, вмѣнялось неумолимо строго, наказывалось вѣчною смертію, и, слѣдовательно, никоимъ образомъ нельзя сказать, что до закона грѣхъ не вмѣнялся.

1) *Contra Iul.* VI, 19; *De pecc. orig.* 35—37; *De nupt.* II, 24; *Contra Iul.* II, 18; VI, 20—21

2) *Contra Iul.* III, 34—35.

3) *Contra Iul.* V, 45.

4) *Contra Iul.* VI, 20; III, 35.

Итакъ, какою же смѣлою и милою слова апостола, что до закона грѣхъ не вмѣнялся, и о какомъ грѣхѣ идетъ рѣчь? Несомнѣнно, что рѣчь идетъ о всякомъ грѣхѣ, будетъ ли то нарушеніе нравственнаго или вмѣстѣ съ тѣмъ и писаннаго закона. Несомнѣнно также, что рѣчь идетъ о вмѣненіи грѣха со стороны Бога, а не самого человѣка. До закона грѣхъ противъ закона нравственнаго не вмѣнялся такъ строго, какъ грѣхъ противъ закона, извѣстнаго даннаго, т. е., не вмѣнялся въ вину, заслуживающую смерти. Совѣсть показывала, чего не нужно дѣлать, но не показывала, что нарушеніе этого требованія заслуживаетъ смертной казни, совѣсть не была просвѣщена и восполнена положительнымъ закономъ, а потому и Богъ по Своему правосудію не могъ судить дозаконныхъ людей такъ строго, какъ подзаконныхъ, т. е., осуждать на смерть. Однако смерть была; ясно, что она не была наказаніемъ за собственные грѣхи въ людяхъ подзаконныхъ, а вызвана иной причиною. Какой? Паденіемъ человѣческой природы въ Адамѣ. Такимъ образомъ 13—14 ст. служатъ прямымъ подтвержденіемъ мысли 12-го стиха.

Но смерть царствовала отъ Адама до Моисея и надъ несогрѣшившими подобно преступленію Адама, который есть образъ будущаго, т. е., по словамъ Августина, смерть царствовала отъ перваго человѣка до закона Моисеева, ибо и самый законъ не могъ уничтожить царство смерти. Смерть царствовала, когда вина такъ господствовала въ людяхъ, что не допускала ихъ входить въ жизнь вѣчную, которая есть жизнь истинная, но влекла даже во вторую смерть, которая въ наказаніе есть смерть вѣчная. Это царство смерти разрушаетъ въ человѣкѣ одна только благодать Спасителя, дѣйствовавшая даже въ ветхозавѣтныхъ святыхъ, которые до пришествія Христа получали содѣйствующую благодать Христа, а не букву закона, которая могла убивать, но не помогать. То, что открылось въ новомъ завѣтѣ, въ ветхомъ существовало въ сокровенномъ видѣ по требованію обстоятельствъ. Итакъ, смерть царствовала отъ Адама до Моисея во всѣхъ, кои не получали помощи благодати Христовой, чтобы разрушалось въ нихъ царство смерти, даже въ несогрѣшившихъ по подобію преступленія Адама, т. е., въ тѣхъ, кои еще не согрѣшили собственной волею, какъ Адамъ, но ab illo peccatum originale traxerunt, отъ него получили первородный грѣхъ. Адамъ есть образъ будущаго, потому что въ немъ данъ образъ

осужденія для будущихъ потомковъ, кои имѣли явиться отъ него, такъ что всѣ рождались отъ одного въ осужденіе, отъ коего освобождаетъ только благодать Спасителя. Знаю, что въ большей части латинскихъ кодексовъ слова апостола читаются такъ: царствовала смерть отъ Адама до Моисея надъ согрѣшившими подобно преступленію Адама. Но и принимающіе такое чтеніе удерживаютъ нашъ смыслъ, потому что признаютъ, что въ подобіи преступленія Адама согрѣшили тѣ, кои согрѣшили въ Адамѣ, такъ что создаются подобными ему, какъ отъ чловека—люди, такъ отъ грѣшника—грѣшники, отъ имѣвшаго умереть—имѣющіе умереть, отъ осужденнаго—осужденные. Но греческіе подлинныя тексты всѣ или почти всѣ имѣютъ первое чтеніе ¹⁾. Юліанъ по поводу приведенныхъ словъ апостола разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Разнообразіемъ наименованій «грѣхъ» и «преступленіе» апостолъ различаетъ качество грѣха, чтобы показать, что иное есть грѣхъ, а иное—преступленіе, что всякое преступленіе есть грѣхъ, но не всякій грѣхъ—преступленіе, и что согрѣшившіе преступленіемъ, нарушеніемъ заповѣди, болѣе виновны, чѣмъ тѣ, кои согрѣшили по лукавству природнаго разума, не имѣя увѣщаній закона. Такимъ образомъ людей до закона, въ періодъ времени отъ Адама до Моисея, апостолъ обвиняетъ въ грѣхѣ, а не въ преступленіи, такъ какъ они осквернились неправдою дѣлъ. Они виновны, потому что пренебрегли разумомъ, осквернили права челоѣческаго общества или стыда и такимъ образомъ согрѣшили по взаимному подражанію, а не по нарушенію закона, котораго еще не имѣли. Итакъ, до закона былъ грѣхъ, но не преступленіе. А вѣчная смерть, которою угрожалъ Богъ Адаму царствовала. Посему смерть эта, какъ воздаяніе за грѣхъ, смерть карательная (*mors poenalis*, *mors peccato debita*), царствовала и до закона надъ тѣми, кои согрѣшили, напр., содомитами или допотопными нечестивцами, и послѣ закона надъ тѣми, коихъ наша вина виновными въ преступленіи, ибо судомъ той правды, которая вѣнчаетъ только произвольный грѣхъ, согрѣшившіе безъ закона будутъ судимы безъ закона, а согрѣшившіе въ законѣ будутъ судимы по закону (Римл. II, 12). Подзаконные іудеи согрѣшили подобно преступленію Адама, который согрѣшилъ, какъ и они, нарушивъ положительно данную заповѣдь.

¹⁾ De pecc. mer. I, 18.

Если въ словахъ in quo omnes recesserunt апостолъ говоритъ о первородномъ грѣхѣ, то кто же тѣ, кои не оказались виновными не только въ преступленіи Адама, но даже въ подобіи той вины? Царствовала, говоритъ апостолъ, смерть даже надъ несогрѣшившими подобно преступленію Адама. Видишь, что апостолъ дѣлаетъ очевидное различіе между тѣми, кои согрѣшили подобно Адаму и кои неподобно: Это различіе нельзя примирить съ первороднымъ грѣхомъ; если бы этотъ послѣдній существовалъ, онъ всѣхъ равно связывалъ бы, не было бы никого, въ комъ не было бы этого зла и о комъ справедливо можно было бы сказать, что онъ не согрѣшилъ по подобію того грѣха, въ которомъ всѣ согрѣшили. Апостолъ возвѣщаетъ, что одни согрѣшили, какъ Адамъ, а другихъ не осквернило подобіе древняго преступленія. Ясно, что вина относится къ нравамъ, а не къ сѣмени.

Который есть образъ будущаго. Адамъ называется образомъ будущаго, т. е., Христа, но форма отъ противнаго: тотъ—образъ грѣха, Сей—праведности. Но Христосъ былъ не первымъ, а величайшимъ образомъ праведности, потому что и прежде пришествія Слова, по вѣрѣ въ Бога, въ пророкахъ и многихъ иныхъ святыхъ возсіяли доблести; по исполненіи же полноты временъ во Христѣ возсіяла совершенная норма праведности, и предреченный Отецъ будущаго вѣка явился воздаятелемъ какъ предшествовавшихъ, такъ и послѣдующихъ святыхъ. Такъ и Адамъ называется образомъ грѣха не первымъ, но величайшимъ, величайшимъ не потому, что онъ былъ болѣе виновенъ, чѣмъ діаволъ, но потому что апостолу болѣе естественно было указать на человѣка, видимаго всѣмъ человѣчествомъ, чѣмъ на воздушную субстанцію. Правда, въ самомъ человѣчествѣ первую согрѣшила женщина, но такъ какъ авторитетъ отца имѣетъ большее значеніе и силу во всѣхъ отношеніяхъ, то сказано, что Адамъ былъ образомъ грѣха, не та, отъ которой началось преступленіе, но тотъ, кто по власти сильнаго пола сталъ болѣе предметомъ подражанія ¹⁾).

Такимъ образомъ Юліанъ даетъ слѣдующій перифразъ словъ апостола: смерть царствовала и надъ согрѣшившими не по подобію преступленія Адама. Августинъ въ отвѣтъ на это толкованіе твердо защищаетъ высказанную ранѣе мысль,

¹⁾ Op. imp. II, 188—194.

что смерть царствовала именно надъ несогрѣшившими, надъ дѣтьми, но выраженіе: *по подобію преступленія Адама* придаетъ теперь иной смыслъ, именно относить его къ слову царствовала. Какъ, отвѣчаетъ онъ Юліану, ты можешь говорить, что не все люди осквернены преступленіемъ Адама, когда апостолъ учитъ, что смерть царствовала отъ Адама до Моисея и надъ несогрѣшившими, имѣя въ виду дѣтей, кои не имѣютъ собственныхъ грѣховъ, и прибавляетъ: *по подобію преступленія Адама*, показывая, почему именно царствовала въ нихъ смерть? Какимъ образомъ чрезъ одного человека вошелъ въ міръ грѣхъ и чрезъ грѣхъ смерть, если смерть царствовала въ нѣкоторыхъ, свободныхъ отъ этого грѣха одного человѣка?

Въ коихъ царствовала смерть, тѣ не свободны отъ грѣха, чрезъ который она вошла; а кои свободны отъ грѣха, чрезъ который вошла смерть, тѣ по какой правдѣ не свободны отъ смерти? Итакъ, слова апостола означаютъ то, что смерть царствовала и въ тѣхъ, кои не согрѣшили, не совершили никакихъ собственныхъ грѣховъ. Она царствовала по подобію преступленія Адама, потому что хотя они не совершили никакихъ собственныхъ грѣховъ, однако не были свободны отъ грѣха, чрезъ который смерть вошла въ міръ, такъ какъ носить на себѣ подобіе преступленія не чрезъ совершеніе преступленія, какъ собственнаго грѣха, но по рожденію отъ преступника, которымъ повреждена вся человѣческая природа.

Впрочемъ, какъ ни объяснять слова апостола, что смерть царствовала отъ Адама до Моисея и надъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адама, онѣ во всякомъ случаѣ говорятъ противъ васъ. Если признаете царствованіе смерти надъ несогрѣшившими, то за что же она царствовала, если не за первородный грѣхъ? Какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ, — почему же смерть царствовала надъ несогрѣшившими, прибавлено: по подобію преступленія Адама, т. е., не за собственные грѣхи людей, но потому, что преступникъ Адамъ родилъ ихъ подобными себѣ; такъ изъяснили эти слова до насъ православные учителя церкви ¹⁾. Ибо хотя тотъ первый и единственный грѣхъ, который вошелъ въ міръ чрезъ одного человѣка, есть общій грѣхъ каждаго, почему и сказано: *всѣ*

¹⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ дѣйствительно относитъ выраженіе: „по подобію преступленія Адама“ къ слову „царствовала“.

мемъ асъ согрѣшили, но собственныя грѣхы не имѣютъ дѣти и потому о нихъ справедливо можно сказать, что они не согрѣшили, но смерть царствовала въ нихъ по подобію преступленія Адама. Если же смерть царствовала надъ согрѣшившими, но не по подобію преступленія Адама, то вы не найдете такого грѣшника, потому что всѣ согрѣшившіе согрѣшили по подобію Адама, т. е., слѣдуя его примѣру, какъ ты ранѣе доказывалъ.

Ты признаешь только вѣчную смерть карательной. Но если тѣлесная смерть не карательная, то почему же ее боится природа, которую ты хвалишь, не признавая ее поврежденною? Почему дитя едва только начнетъ развиваться, уже боится смерти? Почему чувство не склонно къ смерти, какъ ко сну? Почему тѣ, кои не боятся смерти, считаются великими и встрѣчаются очень рѣдко? Почему даже тотъ, кто говорить о себѣ, что онъ имѣетъ желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ, не хочетъ однако совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнію (2 Кор. V, 4; Фил. I, 23)? Почему Петру сказано о славной кончинѣ: *инъ тя пошлетъ и ведетъ, а може не хоцеша* (Іоан. XXI, 18)? Итакъ, если смерти напрасно боятся, то самый страхъ ея есть наказаніе; а если душа естественно не жаждетъ разлученія съ тѣломъ, то самая смерть есть наказаніе, хотя божественная благодать употребляетъ ее во благо.

Ты думаешь затѣмъ, что Христосъ есть образъ праведности не первый, но величайшій. Узнаемъ ересь вашу, потому что еще Пелагій училъ, что ветхозавѣтные праведники жили не вѣрою въ воплощеніе Христа, такъ какъ Христосъ еще не пришелъ во плоти. Но они и не предвозвѣстили бы пришествіе Его, если бы не вѣровали въ Него. Въ такую нелѣпость вы впадаете, защищая возможность достиженія праведности по природѣ и закону; но если бы это было такъ, Христосъ напрасно бы умеръ. Ты говоришь, что Адамъ есть образъ грѣха не первый, но величайшій. Почему же? Ты не можешь отрицать, что онъ, какъ родоначальникъ, есть первый образецъ грѣха; почему же ты называешь его величайшимъ образцомъ грѣха, если не признаешь, что грѣхъ Адама тѣмъ болѣе тяжелъ, чѣмъ большая у него была способность избѣгать грѣха, когда природа его еще не была испорчена и когда законъ грѣха въ членахъ его не противился закону ума? Съ этимъ наказаніемъ рождается всякій

человѣкъ, имѣя погибнуть и погибая, если не бываетъ взыскавъ Тѣмъ, Кто пришелъ взыскать погибшее (Лук. XIX, 10).

Ты увѣряешь, что Адамъ сталъ предметомъ подражанія болѣе, чѣмъ жена. Но самый образъ Христа показываетъ, что апостолъ противопоставляетъ не подражаніе подражанію, а возрожденіе рожденію: Христосъ, второй человѣкъ, противопоставляется первому. Если рождаемые не получаютъ грѣхъ отъ Адама, то и возрождаемые не получаютъ праведность отъ Христа и Христосъ не оказывается образомъ отъ противнаго. Но такъ какъ Онъ есть дѣйствительно образъ, то, безъ сомнѣнія, какъ возрождаемые, не исключая дѣтей, получаютъ праведность отъ Христа, такъ рождаемые получаютъ по передачѣ грѣхъ отъ Адама, хотя еще и не могутъ совершить грѣха ¹⁾.

Такъ Августинъ блистательнымъ образомъ разрушаетъ всѣ усилія Юліана провести до конца выраженное имъ разъ возвращеніе на смыслъ 12-го стиха. Желая остаться вѣрнымъ себѣ, онъ впадаетъ въ явное самопротиворѣчіе: ранѣе онъ сказалъ, что грѣхъ, бывшій до закона, не такъ строго вѣнялся, какъ преступленіе, явившееся съ закономъ, теперь же увѣряетъ, что и согрѣшившіе до закона наказывались вѣчною смертію. Какое же вѣнненіе грѣха можетъ быть болѣе строгое, чѣмъ наказаніе вѣчною гибелью? Кого ни разумѣть подъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адама, во всякомъ случаѣ очевидно, что смерть царствовала въ нихъ не за свои грѣхи, а была слѣдствіемъ паденія человѣческой природы въ Адамѣ, какую бы при этомъ смерть мы ни разумѣли. Если смерть царствовала надъ дѣтьми, то очевидно за чужую вину; если же надъ взрослыми за сознательные грѣхи, то упраздняются слова: до закона грѣхъ не вѣняется, какъ бы эти слова ни толковать.

Далѣе Юліанъ оказывается еще болѣе въ затруднительномъ положеніи.

Но даръ благодати не какъ преступленіе. Ибо если преступленіемъ одного (по чтенію Августина—per unum peccatorem, по чтенію Юліана—per unum peccatum, въ подлинникѣ—τῷ τοῦ ἐνός παραπτώματι) подверглись смерти многие, то тѣмъ болѣе благодать Божія и даръ по благодати одного человека, Иисуса Христа, преизбыточествуютъ для многихъ.

¹⁾ Ibid.

Юліанъ. Апостолъ сказалъ, что благодать Христа сильнѣе и обильнѣе дѣйствуетъ для совершенія спасенія, чѣмъ грѣхъ Адама; чтобы показать, что гораздо сильнѣе и болѣе многимъ помочь. Христосъ, чѣмъ повредило преступленіе перваго человека, отравившаго, по твоему мнѣнію, грѣхомъ сѣмена. Изъ твоего ученія безспорно слѣдуетъ, что тѣхъ, коимъ повредилъ грѣхъ Адама, гораздо болѣе, чѣмъ тѣхъ, коимъ помогла благодать. Но апостолъ говоритъ совершенно противное, откуда ясно, что грѣхъ Адама повредилъ не всѣмъ, а только согрѣшившимъ по подобію преступленія Адама. А такихъ людей менѣе, чѣмъ спасаемыхъ благодатію, потому что по подражанію Адаму согрѣшили только тѣ, которые были подъ закономъ, т. е., жили отъ Моисея до Христа. Сравни подзаконную іудейскую націю съ безчисленнымъ множествомъ народовъ, просвѣщенныхъ евангеліемъ, и увидишь, что спасенныхъ благодатію больше, чѣмъ согрѣшившихъ по подобію преступленія Адама.

Августинъ. Апостолъ сказалъ: *тѣмъ болѣе преизбыточествовала*, а не *на болѣе многихъ*, πολλοῖς, а не πλείστοις (однако въ латинскомъ текстѣ стоитъ in plures abundavit). Ибо кто не видитъ, что въ родѣ человѣческомъ тѣхъ больше, на коихъ не преизбытовала благодать, такъ что изъ этихъ болѣе многихъ обнаруживается, что слѣдовало бы воздать всей массѣ по праведному суду, если бы Духъ не дышалъ, гдѣ хочетъ, и Богъ не призвалъ, коихъ удостоилъ, и не сдѣлалъ благочестивымъ того, кого хочетъ (Ambrosius. Lib. VII in. Luc. IX). А преступниками можно назвать не однихъ іудеевъ, но и всѣхъ грѣшниковъ, коими полонъ весь міръ, такъ что въ сравненіи съ ними число спасаемыхъ ничтожно. *Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ* (1 Кор. XV, 22). Эти всѣ очень многи и потому многіе умираютъ въ Адамѣ и многіе оживутъ во Христѣ; смерти подлежатъ очень многіе, а оживленію очень немногіе въ сравненіи съ тѣми, но безотносительно, само по себѣ, число этихъ немногихъ такъ велико, что никто не въ состояніи исчислить его (Апок. VII, 9). *Во Христѣ всѣ оживутъ*, это значитъ, что кои оживутъ, всѣ тѣ оживутъ не иначе, какъ во Христѣ. Для сравненія приведу примѣръ. Положимъ, что въ городѣ одинъ учитель словесности. Обычно выражаются, что всѣ учатся у него, при чемъ само собою понятно, что рѣчь идетъ о всѣхъ тѣхъ, кои дѣйствительно учатся, потому что ни у кого другого не могутъ

учиться. Или другой примѣръ: если говоримъ, что въ этотъ домъ всѣ входятъ чрезъ одну дверь, то это не значитъ, что дѣйствительно всѣ люди входятъ въ эту дверь, а значитъ, что всѣ входящіе входятъ не иначе какъ въ эту дверь ¹⁾.—Отвѣтъ блистательный, только непонятно, почему Августинъ не отмѣчаетъ здѣсь того явнаго самопротиворѣчія, въ какое впадаетъ Юліанъ. Если по подобію преступленія Адама согрѣшили только подзаконные іудеи, то ясно, что о нихъ только и можно сказать, что имъ повредилъ грѣхъ Адама. Между тѣмъ ранѣе, при объясненіи 12 стиха, Юліанъ увѣрялъ, что грѣхъ Адама повредилъ всѣмъ грѣшникамъ, какъ примѣръ, повредилъ не переходомъ на людей, а тѣмъ, что далъ всѣмъ первый примѣръ грѣха.

Впрочемъ толкованіе 1 Кор. XV, 22 едва ли можно признать удачнымъ. Оно въ сущности построено точно также, какъ и Юліаново толкованіе выраженія 12 ст. «всѣ согрѣшили». По Юліану, согрѣшили всѣ тѣ, кои могли согрѣшить, т. е. многіе; по Августину, оживутъ всѣ тѣ, кои оживутъ именно во Христѣ, т. е., многіе. Въ томъ и другомъ случаѣ универсальное значеніе выраженія «всѣ» измѣняется, въ чемъ для Августина въ сущности не было никакой необходимости, потому что выраженіе «во Христѣ всѣ оживутъ» совершенно естественно и просто можно понимать въ его буквальномъ универсальномъ значеніи. Именно, въ этихъ словахъ слѣдуетъ видѣть указаніе на то, что всеобщее будущее имѣетъ быть слѣдствіемъ искупительнаго дѣла Христова; безъ Христа все человѣчество, разъ умершее въ Адамѣ, имѣло бы пребывать въ смерти безъ всякой мысли о воскресеніи. Но чрезъ Христа всѣ оживутъ, хотя не всѣ для блаженства почему апостолъ и прибавляетъ: *каждо же во своемъ чину*. Заслуживаетъ вниманія и Юліаново толкованіе 1 Кор. XV, 22. Если, пишетъ онъ, слово «Адамъ» съ еврейскаго, означаетъ человѣка, то апостолъ говоритъ только, что всѣ люди умираютъ по своей человѣческой природѣ или естественно, а оживутъ чрезъ Христа. Если же Адамъ означаетъ грѣхъ, то апостолъ утверждаетъ, что всѣ люди умираютъ за грѣхъ, умираютъ смертію духовною, потому что и грѣхъ—явленіе духовное, чрезъ Христа же духовно оживаютъ. Въ томъ и дру-

¹⁾ Op. imp. II, 85. 204—209; Contra Jul. VI, 80; De res. mer. I, 14; De nupt. II, 46.

гомъ случивъ апостолъ не даетъ никакого повода учить о переходѣ грѣха. Если ты скажешь, обращается онъ въ Августину, что апостолъ говорить въ данномъ случаѣ о тѣлесной смерти, то ясно, что именемъ Адама названа человѣческая природа, а именемъ Христа—могущество Творца и Оживителя. Если же разумѣешь подъ Адамомъ не природу, а грѣхъ, то безспорно, что *всѣ* сказано въ смыслѣ *многіе*, кои умираютъ чрезъ подражаніе Адаму, такъ какъ ясно сказано: какъ всѣ умираютъ въ Адамѣ, такъ всѣ оживутъ во Христѣ, всѣ, т. е., многіе, кои спасаются чрезъ подражаніе Христу (Op. imp. VI, 31).

Если бы, продолжаетъ Юліанъ свою рѣчь по поводу 15 стиха, Адамъ, какъ вы утверждаете, родилъ всѣхъ съ природнымъ грѣхомъ въ осужденіе и какъ бы излилъ на потомство ядъ, вслѣдствіи чего привелъ въ смятеніе всѣ божественныя установленія въ человѣческой природѣ, такъ что бракъ сталъ не возможенъ безъ дара діавольскаго, каковымъ вы считаете половую похоть, и пала свобода воли, такъ что никто не имѣетъ силы освободиться отъ преступленій, но всѣ увлекались въ осужденіе общимъ потокомъ низверженнаго человечества: если все это произошло по нечестію перваго человѣка, то ясно, что слишкомъ слаба въ своихъ дарахъ благодать Христова, которая не могла уврачевать этихъ бѣдствій. Если Адамъ извратилъ самыя установленія природы, то Христу надлежало возстановить разрушенное, т. е., сдѣлать такъ, чтобы въ бракѣ получившихъ крещеніе не было похоти и чтобы genitalia ихъ возбуждались не такъ, какъ у прочихъ людей; долженъ бы затѣмъ удалиться, по дару благодати, стыдъ при сношеніи; должна бы возвратиться имъ свобода воли, чтобы по исправленіи природы они сіяли блескомъ доблестей; наконецъ, не должны бы и умирать тѣ, кои напаяются таинствами, ибо если смерть случилась чрезъ грѣхъ, то удаленіе грѣха должно сопровождаться уничтоженіемъ смерти. Но такъ какъ очевидно, что ничего этого съ тѣлами получившихъ крещеніе не случается, то нужно признать которое-нибудь одно изъ двухъ: или все перечисленное случилось не за грѣхъ и не было раною природы, или нужно отказаться отъ мысли, что въ таинствахъ Христа содержится какое-нибудь врачеваніе, такъ какъ они не могутъ уврачевать ни одного человѣка отъ столькихъ, по твоему мнѣнію, болѣзней. Но апостолъ говорить, что даръ Христа изобилуеетъ во

спасеніа на болѣе многихъ, чѣмъ вина Адама, по которой, какъ ты утверждаешь, случились вышеуказанныя несчастія съ человѣческой природой, не исцѣленные таинствами Христа; отсюда ты признаешь, что нечестіе перваго человѣка болѣе имѣло силы повредить, чѣмъ благодать Христа уврачевать. Очевидно, что между тобою и апостоломъ такое же различіе, какъ между манихеемъ и православнымъ.

Нельзя не признать значительной силы въ этихъ сужденіяхъ Юліана; нужно было имѣть Августина глубокій умъ и глубокое проникновеніе въ смыслъ христіанскаго вѣроученія, чтобы разрушить всю, повидимому столь ясную и убѣдительную, аргументацію противника. И онъ исполняетъ это превосходно; отвѣтъ его Юліану представляетъ одну изъ наиболѣе блестящихъ страницъ во всей его удивительной полемикѣ съ Юліаномъ. Неужели, нишетъ онъ, не приходитъ въ смятеніе вся богосозданная природа человѣка, когда нечистый духъ мучитъ ребенка, поражаетъ его душу и тѣло, извращаетъ чувство и здоровье? Отрицая первородный грѣхъ, вы совершенно не видите причины всего этого зла. Развѣ ядомъ діавола не приводятся въ смятеніе всѣ божественныя установленія въ человѣческой природѣ? За какую вину все это случается съ новорожденнымъ ребенкомъ?—Всѣ послѣдствія грѣха Адамова Христосъ изгладилъ, но не такъ, какъ ты хочешь. Богъ не въ этомъ зломъ вѣкъ дѣлаетъ блаженными избранниковъ Своихъ, коимъ прощаетъ грѣхи и коимъ даетъ, какъ золото, Духа благодати. Онъ общается имъ будущій вѣкъ, въ коемъ они уже не потерпятъ никакого зла. Тамъ и бракъ былъ бы таковъ, каковъ онъ былъ въ раю; если бы только въ немъ была какая-нибудь нужда. А изъ того, что даже возрожденные не освобождаются отъ зла въ этомъ вѣкѣ, вы должны понять, какъ великъ былъ тотъ грѣхъ, который вошелъ въ міръ чрезъ одного человѣка и со смертію перешелъ на всѣхъ. Бѣдствія оставляются для упражненія въ добродѣтели; если бы вѣрѣ немедленно воздавалась награда, уже не было бы и самой вѣры. Видя настоящія бѣдствія, вѣра благочестиво терпитъ, потому что съ увѣренностію ждетъ обѣщанныхъ благъ, не видя ихъ.

Благодать Христова уничтожаетъ вину первороднаго грѣха (*reatum originalis peccati*), но невидимую вещь и уничтожаетъ невидимо, прощая и всѣ вольные грѣхи. Благодать производитъ то, что духъ борется противъ вожелѣній плоти, и когда

вирующій человекъ въ этой борьбѣ простижительно пріимаетъ благодать прощаетъ молящемуся; если же грѣшитъ, тѣмъ, что заслуживаетъ наказаніе, благодать даруетъ покаяніе смиренному. Благодать даруетъ наконецъ жизнь вѣчную и души и тѣлу. Какимъ же образомъ нечестіе Адама повредило болѣе, чѣмъ помогла благодать Христа? Тотъ повредилъ временно, а Христосъ и временно помогаетъ и навѣки блаженство даруетъ (О. 1. II, 87—97)

Юліанъ. Ты говоришь, что благодать болѣе изобилывала, потому что даетъ вѣчную жизнь, а грѣхъ Адама былъ причиною временной смерти. Но если Адамъ ничего не причинилъ кромѣ смерти тѣла, то ясно, что на потомковъ перешла смерть, а не грѣхъ Адама. Отсюда ясно, что вѣчное наказаніе, т. е., вѣчная смерть, не перешло на насъ и потому не можетъ быть грѣха по передачѣ. Кратко: апостолъ предпочитаетъ дары Христовы грѣху перваго человека, а ты признаешь ли, что чрезъ грѣхъ передачи перешли двѣ смерти? Если, какъ говоришь здѣсь, перешла одна тѣлесная смерть, то никто не рождается грѣшникомъ, потому что, какъ ты выше сказалъ, царство грѣха есть причина низверженія человека въ вѣчную смерть. Если же скажешь, что чрезъ грѣхъ Адама нечестіе стало природнымъ и произошли двѣ смерти, временная и вѣчная, благодатию же Христа уничтожается только вѣчная, то апостолъ несправедливо сказалъ, что благодать Христа болѣе помогла, чѣмъ повредилъ грѣхъ.

Августинъ. Грѣхъ Адама причинилъ временную смерть тѣмъ, коихъ освобождаетъ благодать Христова; а коихъ по сокровенному, но конечно правому суду не освобождаетъ, тѣ подвергаются вѣчной смерти. Мы утверждаемъ, что отъ Адама перешли и грѣхъ и смерть и что то и другое уничтожается Христомъ, вина грѣха уничтожается при совершенномъ прощеніи грѣховъ, а смерть—при блаженномъ воскресеніи святыхъ; это послѣднее не дается немедленно по возрожденіи для того, чтобы могло служить къ укрѣпленію вѣры ихъ. А въ блаженномъ воскресеніи мертвыхъ уничтожаются обѣ смерти, и первая и вторая (II, 98—100).

Такимъ образомъ Августинъ прекрасно выяснилъ, почему искупленные Христомъ не переходятъ сразу въ первобытное райское состояніе, но на вопросъ Юліана, Адамъ ли болѣе повредилъ или Христосъ помогъ человечеству во всей его массѣ, отвѣтъ Августина нѣсколько слабъ. Ему нужно было

просто указать, что апостолъ этого вопроса не касается. Апостолъ высказываетъ только ту мысль, что если грѣхъ Адама могъ повредить многимъ, то тѣмъ болѣе праведность Христа можетъ помочь многимъ, потому что Христосъ несравненно выше Адама. Если же поставить вопросъ о всей массѣ чело-вѣчества, т. е., болѣе ли помогъ ей Христосъ, чѣмъ повредилъ Адамъ, то окажется невозможнымъ опровергнуть мысль Юліана, потому что Христосъ, даруя оправданнымъ входъ въ царство небесное, далъ людямъ лишь то, что они потеряли чрезъ грѣхъ Адама, такъ что плоды заслуги Христа оказываются совершенно пропорціональны слѣдствіямъ вины Адама. Если же при этомъ принять во вниманіе, что Христосъ даруетъ утраченное чрезъ Адама блаженство далеко не всѣмъ людямъ, то необходимо согласиться съ Юліаномъ, что Адамъ болѣе повредилъ челоувѣческому роду во всей его массѣ, чѣмъ помогъ Христосъ.

И даръ, не какъ судъ за одного согрѣшившаго; ибо судъ за одно (преступленіе) къ осужденію, а даръ благодати къ оправданію отъ многихъ преступленій. Что значить, спрашиваетъ Августинъ, за одно, если не за преступленіе, потому что дальше слѣдуетъ: *а благодать отъ многихъ преступленій къ оправданію?* Но какимъ образомъ одного преступленія достаточно для осужденія, если не признавать, что достаточно одного первороднаго грѣха, перешедшаго на всѣхъ, для осужденія всѣхъ? А благодать оправдываетъ отъ многихъ преступленій, потому что разрѣшаетъ не только тотъ одинъ грѣхъ, который полученъ по происхожденію (*originaliter trahitur*), но и прочіе собственные грѣхи ¹⁾.

Сужденіе Августина Юліанъ находитъ на первый взглядъ заслуживающимъ вниманія, и потому проситъ читателя тщательно вникнуть въ дѣло. Осужденіе, рассуждаетъ онъ, можетъ послѣдовать и за одинъ грѣхъ. Какъ для осужденія перваго челоувѣка достаточно было одного перваго преступленія, такъ и для всякаго одна вина можетъ быть достаточно для обвиненія (*ad reatum una potest culpa sufficere*), по апостолу: *если весь законъ сохранишь, а нарушишь въ одномъ, сталъ виновенъ во всемъ* (Іак. II, 10). Благодать же силою освященія уничтожаетъ всякій видъ вины. Поэтому, говоря объ Адамѣ, апостолъ естественно упоминаетъ объ одномъ

¹⁾ De pess. mer. I, 15; De nupt. II, 46 Op. imp. II, 108—106.

грѣхъ, какъ образецъ преступленія, такъ какъ знаѣтъ, что въ исторіи извѣстенъ только одинъ грѣхъ Адама. А благодать восхвалилъ за дарованіе оправданія отъ многихъ преступленій, чтобы не возникло подозрѣнія въ скудости благодѣянія. Предпославъ одинъ грѣхъ, апостолъ сохранилъ вѣрность исторіи, а прибавивъ объ оправданіи благодатію отъ многихъ преступленій, восхвалилъ благодѣяніе и щедрость тайнства. О грѣхѣ же по передачѣ апостолъ ничего не говоритъ, напротивъ, ясно показываетъ, что тотъ одинъ грѣхъ, о которомъ онъ говоритъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ, какіе всѣ прощаются благодатію и какіе, какъ и ты признаешь, совершаются по движенію собственной воли человѣка. Обличается, такимъ образомъ, не плодородіе сѣмени, но превратность дѣйствій. Сопоставляя силу благодати Христовой и перваго грѣха и сравнивая дѣйствія ихъ, апостолъ показываетъ, что тайнство Христа болѣе помогло, чѣмъ повредилъ грѣхъ перваго человѣка, а этого, какъ мы видѣли, не могло быть при передачѣ грѣха. Какъ многое перечисленное, такъ и то вчастности апостолъ отнесъ въ похвалу благодати, что *судъ отъ одного въ осужденіе, а благодать отъ многихъ преступленій въ оправданіе*. Въ первыхъ словахъ ты видишь доказательство той мысли, что первороднаго грѣха одного достаточно для осужденія дѣтей, не получившихъ крещенія. Но въ такомъ случаѣ дѣти оправдываются не отъ многихъ грѣховъ. Или докажи, что дѣти освобождаются отъ многихъ грѣховъ, или согласишься, что апостолъ въ данномъ мѣстѣ ничего не говоритъ ни о природѣ человѣческой, ни о дѣтяхъ. Ты скажешь что прощеніе многихъ грѣховъ совершается во взрослыхъ, а въ дѣтяхъ прощается одинъ первородный грѣхъ, но что дѣйствіе благодати въ тѣхъ и другихъ одинаково: прощеніе. И мы признаемъ единообразіе дѣйствій благодати: она равно всѣмъ даруетъ блага усыновленія, освященія, возвышенія, но согрѣшившихъ добровольно она оправдываетъ отъ вины и изъ злыхъ дѣлаетъ добрыми, а дѣтей, такъ какъ не въ чемъ прощать, изъ добрыхъ дѣлаетъ лучшими. Всѣхъ ведетъ къ одной цѣли освященія, но не всѣхъ захватываетъ въ одномъ и томъ же болотѣ пороковъ: однихъ находитъ въ состояніи невинности, а другихъ виновными. И самъ ты признаешь, что различно дѣйствіе благодати по состоянію получающихъ ее, ибо однимъ она прощаетъ одинъ первородный грѣхъ, а другимъ и этотъ и многіе другіе. Въ этихъ послѣднихъ она славится,

ибо оправдываетъ отъ многихъ преступленій, а въ дѣтяхъ она; по твоему образу мыслей, проявляется скуднѣе. Для меня достаточно признанія съ твоей стороны, что не можетъ осуществиться обиліе благодати одинаковымъ образомъ на людяхъ всякаго возраста.

— Никакимъ еретическимъ многословіемъ, отвѣчаетъ Августинъ, ты не можешь затѣмнить ясную апостольскую истину: одного преступленія, наслѣдственно получаемаго при рожденіи, достаточно для осужденія, благодать же оправдываетъ не только отъ этого грѣха, но и отъ всѣхъ ¹⁾).

Дѣйствительно, слова апостола разрываютъ, какъ паутину, всю сѣть толкованій Юліана; нечего многословить, сказано ясно: за одно преступленіе одного человѣка, Адама, осуждено все человѣчество. Вся пелагианская доктрина этими словами разбивается въ прахъ. Но Августинъ видитъ въ этихъ словахъ болѣе того, на что они даютъ право: эти слова отнюдь не даютъ права думать, что грѣхъ Адама наслѣдственно получается всѣми при рожденіи въ осужденіе всѣхъ. Апостолъ говоритъ объ осужденіи всѣхъ за одинъ первый грѣхъ Адама, но въ чемъ состоитъ это осужденіе, онъ не объясняетъ; осужденіе это можетъ состоять въ разстройствѣ и смертности человѣческой природы въ Адамѣ, для чего не требуется передачи самаго грѣха. Въ частности, въ данномъ случаѣ апостолъ, какъ видно изъ слѣдующаго стиха, подъ осужденіемъ всѣхъ за грѣхъ Адама разумѣетъ именно осужденіе всѣхъ на смерть.

Ибо если преступленіемъ одного смерть царствовала посредствомъ одного, то тѣмъ болѣе пріемлющіе обиліе благодати и даръ праведности будутъ царствовать въ жизни посредствомъ единого Іисуса Христа (ст. 17).

Почему, спрашиваетъ Августинъ, за преступленіе одного смерть царствовала посредствомъ одного, если не потому, что узами смерти всѣ содержались въ томъ одномъ, въ которомъ всѣ согрѣшили, если даже они и не присоединили собственныхъ грѣховъ? Иначе смерть царствовала бы не чрезъ одного за преступленіе одного, но чрезъ каждаго грѣшника за многія преступленія каждаго. Ибо если люди потому мертвы за преступленіе Адама, что подражали ему въ преступленіи, то и самъ Адамъ еще болѣе умеръ за преступленіе другого,

¹⁾ Op. imp. II, 105—134; 210—213.

такъ какъ діаволъ прежде его совершилъ грѣхъ и склонилъ его къ грѣху, а Адамъ ни къ чему не склоняетъ своихъ подражателей, многіе, кои оказываются подражателями его, не слыхали или не признаютъ, что онъ существовалъ и совершилъ грѣхъ ¹⁾).

Юліанъ. Апостолъ возвѣстилъ ранѣе, что смерть царствовала чрезъ одного, который былъ образцомъ грѣха и преступниками по подобію котораго оказываются грѣшашіе подъ закономъ, и что чрезъ одного царствуетъ въ жизни обиліе благодати, помогающей тѣмъ, кои подражаютъ добродѣтели Христа. Жизнь, въ которой намѣрены царствовать святые, есть жизнь вѣчная, слѣдовательно и смерть, которая слѣдуетъ за добровольнымъ нечестіемъ, есть вѣчная смерть (II, 214—215).

Посему какъ преступленіемъ одного всѣмъ челоѣкамъ осужденіе, такъ правдою одного всѣмъ челоѣкамъ оправданіе къ жизни (ст. 18).

Августинъ. Если этому одному преступленію мы подражаемъ, то это будетъ преступленіе діавола. Но такъ какъ ясно, что рѣчь идетъ не о діаволѣ, а объ Адамѣ, то остается принять, что здѣсь имѣется въ виду не тотъ грѣхъ, которому подражаютъ, но который распространяется (*non imitatio, sed propagatio peccati*). Эту же мысль апостолъ ясно выразилъ и въ словахъ — *правдою одного*, не сказавъ — *праведностію одного*. Апостолъ указываетъ на ту правду, которою Христосъ оправдываетъ нечестиваго, которую Онъ не предложилъ для подражанія, такъ какъ одинъ только онъ можетъ дать ее. Апостолъ справедливо могъ сказать: *будьте подражателями мнѣ, какъ я Христу* (1 Кор. XI, 1), но никогда не сказалъ бы: вы оправдываетесь мною, какъ я Христомъ. Людей праведныхъ и достойныхъ подражанія много есть и было и можетъ быть, но праведнаго и оправдывающаго никого нѣтъ, кромѣ Христа. Посему и сказано: *вѣрующему въ того, кто оправдываетъ нечестиваго, вѣра его вѣняется въ праведность* (Рим. IV, 5). Кто смѣетъ сказать: я оправдываю тебя, тотъ слѣдовательно пусть скажетъ: вѣруй въ меня. Но никто изъ святыхъ кромѣ Святаго святыхъ не могъ сказать: *вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте* (Іоан. XIV, 1), такъ чтобы вѣрующимъ въ Него вѣнилось въ праведность, такъ какъ Онъ оправдываетъ нечестиваго.

¹⁾ De pecc. mer. I, 16.

Если одно подражаніе дѣлаетъ грѣшниками чрезъ Адама, то почему одно подражаніе не дѣлаетъ и праведными чрезъ Христа? Какъ преступленіемъ одного всѣмъ чело­вѣкамъ осужденіе, такъ правдою одного всѣмъ чело­вѣкамъ оправданіе къ жизни. Подъ этими одинъ и одинъ нужно бы разумѣть не Адама и Христа, но Адама и Авеля; если въ Адамѣ всѣ люди согрѣшили по подражанію, такъ какъ онъ первый согрѣшилъ, то въ Авелѣ по подражанію всѣ должны получить оправданіе, такъ какъ онъ первый жилъ праведно. Если же нужно было по какой-то причинѣ поставить Христа главою праведныхъ по подражанію Ему, то главою грѣшныхъ нужно бы признать Іуду предателя. Если же Христосъ потому одинъ, въ которомъ всѣ оправдываются, что праведными дѣлаетъ не одно подражаніе Ему, но и возраждающая чрезъ Духа благодать (*per Spiritum regenerans gratia*), то и Адамъ потому одинъ, въ которомъ всѣ согрѣшили, что грѣшниками дѣлаетъ не только подражаніе ему, но и порождающее по плоти наказаніе (*per carnem generans poena*). Посему и сказано *всѣ* и *всѣ*. Не всѣ, рождающіеся чрезъ Адама, возраждаются во Христѣ, но справедливо сказано *всѣ* и *всѣ*, потому что какъ по плоти никто не рождается иначе какъ чрезъ Адама, такъ по духу никто не возрождается иначе какъ чрезъ Христа. Если бы кто-нибудь могъ по плоти родиться не отъ Адама, то и духомъ кто-нибудь могъ родиться не чрезъ Христа; тогда выраженіе *всѣ* здѣсь и тамъ было бы не совсѣмъ ясно. Этихъ же самыхъ всѣхъ апостолъ называетъ далѣе многими, потому что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всѣ могутъ быть и немногими; но по плоти родились дѣйствительно очень многіе, многіе и по духу, хотя послѣднихъ менѣе. Но какъ плотское рожденіе относится ко всѣмъ людямъ, такъ духовное ко всѣмъ праведнымъ людямъ, потому что какъ никто не бываетъ чело­вѣкомъ безъ плотскаго рожденія, такъ никто не бываетъ праведнымъ безъ духовнаго рожденія: въ томъ и другомъ рожденіи многіе ¹⁾).

Юліанъ. Сопоставляя *всѣхъ* въ Адамѣ *всѣмъ* во Христѣ, апостолъ ясно даетъ понять, что *всѣ* онъ употребляетъ въ смыслѣ *многіе*, потому что если всѣ идутъ въ осужденіе, то кто же идетъ въ оправданіе, и наоборотъ? Если Христосъ всѣхъ спасъ, то можно измышлять, что Адамъ также всѣмъ повредилъ. Если Христосъ измѣнилъ нѣчто въ половой сферѣ, пусть

¹⁾ De pess. mer. I, 18—19.

вѣрять, что Адамъ разстроилъ ее. Если Христосъ исправилъ нѣчто въ чувствованіяхъ плоти, пусть думаютъ, что вина Адама внесла нѣчто безчестное въ нихъ. Если врачеваніе переходитъ отъ Христа по передачѣ (*per propagationem*), пусть говорятъ, что Адамъ передалъ преступленіе чрезъ рожденіе. Если бы благодать Христа и вина Адама равны были по своимъ дѣйствіямъ, то тогда слѣдовало бы учить, что благодать помогла столькоимъ, сколькоимъ повредила вина. Врачеваніе должно бы обнаружиться всюду тамъ, гдѣ есть болѣзнь, т. е., должна бы между прочимъ совершенно измѣнить сферу половыхъ отношеній. Но апостолъ говоритъ еще, что благодать гораздо болѣе помогла, чѣмъ повредилъ грѣхъ.

Августинъ. Если понимать *всѣ* въ смыслѣ *многіе*, то и въ выраженіи *въ немъ же вси согрѣшиша* нужно разумѣть *многихъ*, т. е., признавать, что не всѣ грѣшники согрѣшили по подражанію Адаму, а только *многіе*. Если же думать такъ, исключая дѣтей изъ числа согрѣшившихъ, то дѣти не окажутся мертвыми въ Адамѣ, а слѣдовательно и Христосъ не умеръ за нихъ, ибо Онъ умеръ только за мертвыхъ. Всѣ, получающіе крещеніе, крестятся въ смерть Христа (Рим. VI, 3), а въ смерть Христа крестятся тѣ, за коихъ Христосъ умеръ. Такимъ образомъ никакъ не можешь освободить дѣтей отъ первороднаго грѣха, если не хочешь лишить ихъ благодати крещенія.

Напрасно противопоставляешь осуждаемыхъ въ Адамѣ оправдываемымъ во Христѣ. Апостолъ хочетъ сказать, что никто изъ людей не идетъ въ осужденіе иначе какъ чрезъ Адама и никто не освобождается отъ осужденія иначе какъ чрезъ Христа; поэтому слово *всѣ* употреблено въ томъ и другомъ случаѣ въ собственномъ смыслѣ (II, 135—147).

Юліанъ. Ибо какъ непослушаніемъ одного человека *многіе* содѣлались грѣшными, такъ и послушаніемъ одного содѣлаются праведными *многіе* (V, 19). Вотъ апостолъ ясно возвѣщаетъ, что не всѣ, но *многіе* научились грѣхамъ отъ непослушанія перваго человѣка, и не всѣ, но *многіе* получили оправданіе чрезъ послушаніе другого. О происхожденіи человѣчества здѣсь совсѣмъ нѣтъ рѣчи; въ различныхъ склонностяхъ обнаруживаются нравы; непослушаніе и послушаніе показываютъ дѣло усердія, а не рожденія. Между тѣмъ здѣсь всего удобнѣе было бы сказать объ осужденіи всѣхъ чрезъ рожденіе и о спасеніи многихъ чрезъ вѣру, такъ какъ здѣсь суммированы

мысли. Если бы апостолъ имѣлъ твои мысли, онъ долженъ былъ бы сказать здѣсь: какъ чрезъ непослушаніе одного человѣка или, точнѣе, чрезъ рожденіе всѣ люди стали грѣшниками, такъ чрезъ послушаніе одного многіе стали праведниками. Но если бы онъ такъ сказалъ, то бессмысленнымъ оказалось бы самое сопоставленіе несопоставляемыхъ вещей, послушанія и рожденія, воли и природы; въ отношеніи зла была бы присуща самой природѣ необходимость, а въ отношеніи добра одна свобода, которой въ дѣйствительности уже и не существовало при необходимости.

Августинъ. Если бы апостолъ имѣлъ твои мысли, онъ долженъ бы сказать: какъ чрезъ свое непослушаніе многіе стали грѣшниками, такъ чрезъ свое послушаніе многіе стали праведниками. А если бы апостолъ имѣлъ въ мысли подражаніе, которое вы измышляете, будучи тѣсными очевидной истиной, то онъ сказалъ бы: какъ чрезъ подражаніе непослушанію одного человѣка многіе стали грѣшниками, такъ чрезъ подражаніе послушанію другого многіе стали праведными. Посему не воображай, что великое дѣло — комбинировать слова по нашему желанію, а не изъяснять въ нихъ мысль автора. Апостолъ сказалъ, что чрезъ непослушаніе одного человѣка, начальника рожденія, многіе стали грѣшниками, такъ какъ этимъ непослушаніемъ повреждена человѣческая природа; и чрезъ послушаніе другого человѣка, начальника возрожденія, многіе стали праведными, потому что человѣческая природа врачуетъ послушаніемъ Того, Кто сталъ послушливъ до смерти крестной (Фил. II, 8), такъ что праведными становятся по благодати Его даже тѣ, кои не могли быть праведными по собственной жизни, каковы умирающіе немедленно послѣ крещенія въ возрастѣ дѣтскомъ или зрѣломъ; поэтому апостолъ и употребилъ глаголъ въ будущемъ времени — *сдѣлаются праведными*, а не *сдѣлались*, такъ какъ совершенная праведность имѣетъ быть въ будущемъ вѣкѣ.

Сопоставленія между природой и волей у апостола нѣтъ, но нѣтъ нужды доказывать, что по связи съ первымъ человекомъ чрезъ рожденіе дѣти безъ участія собственной воли несутъ заразу грѣха точно такъ же, какъ чрезъ рожденіе во Христа становятся участниками праведности безъ содѣйствія собственной воли (II, 215—216; 144—150).

Юліанъ. Въ приведенныхъ словахъ апостолъ раскрылъ ту мысль, что какъ никто не заслуживаетъ награды за добродѣтель, если не стремится къ ней чрезъ подражаніе

святости Христа—послѣ воплощенія Его, такъ никто не становится преступникомъ въ Адамѣ, если не грѣшить, подражая первому человѣку въ преступленіи.

Августинъ. Это и есть сокровенный и ужасный ядъ вашей ереси, что полагаете благодать Христа въ примѣръ Его, а не въ даръ Его, утверждая, что чрезъ подражаніе Ему люди становятся праведными, а не чрезъ служеніе Духа Святаго, обильно посылаемаго избраннымъ, чтобы привлеченные Имъ подражали Христу. Заботливо прибавляете — «послѣ воплощенія Его», имѣя въ виду древнихъ, кои, полагаете, были праведны безъ благодати Его, такъ какъ не имѣли примѣра Его. Но что вы скажете о людяхъ послѣ воплощенія Христа, кои не слышали евангелія, но предлагали себѣ примѣры древнихъ праведниковъ и жили праведно? Неужели они не заслужили награды за добродѣтель? Но если праведность является отъ подражанія праведникамъ, то Христосъ напрасно умеръ (Гал. II, 21), потому что праведники были и прежде Него, такъ что имъ могли подражать тѣ, кои хотѣли быть праведными. Чтò значить, что апостоль не говоритъ: будьте подражателями Христу, какъ я, но говоритъ: *подражайте мнѣ, какъ и я Христу* (1 Кор. XI, 7)? Развѣ онъ хотѣлъ быть вмѣсто Христа? Видите, какія нелѣпости вытекаютъ изъ предположенія, что, сопоставляя Адама и Христа, апостоль имѣлъ въ виду противопоставить подражаніе подражанію, а не рожденію возрожденіе (II, 146).

Юліанъ. Благодать Христа простирается и на невинныхъ, на коихъ вина Адама не простирается. Поэтому апостоль настойчиво указываетъ, что гораздо болѣе и на болѣе многихъ преизбыточествуютъ благодать Божія и даръ одного человѣка, Іисуса Христа. Видишь, какъ сильно противорѣчишь апостолу: тотъ говоритъ, что не всѣ чрезъ Адама стали грѣшниками, а ты говоришь, что чрезъ Адама всѣ стали собственностію діавола по праву грѣха.

Августинъ. Выраженія *есъ* и *многіе* однозначущи. Читая *plures*, болѣе *многихъ*, ты или лжешь или обмануешь ложнымъ текстомъ, ибо апостоль говоритъ *multos*, по-гречески — πολλούς, многихъ. Еслибы сказалъ *plures*, то дѣйствительно можно бы подразумѣвать здѣсь дѣтей, коимъ благодать Христа принесла пользу, а подражаніе Адаму не вредить; но тогда апостоль сказалъ бы ложь, какъ и вы говорите. Ибо если бы сравнить всѣхъ подражателей Христу, включивъ сюда и возрожденныхъ

дѣтей, то число ихъ оказалось бы гораздо менѣе; числа грѣшниковъ, подражателей Адама (II, 147—148).

Юліанъ. Законъ же пришелъ послѣ и такимъ образомъ умножилось преступленіе. А когда умножился грѣхъ стала преизобилывать благодать, дабы какъ царствовалъ грѣхъ къ смерти, такъ и благодать воцарилась чрезъ праведность къ жизни вѣчной Иисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ (V, 20). Объясни, какимъ образомъ твой грѣхъ, т. е., грѣхъ передачи, сталъ изобилывать послѣ обнародованія закона Моисеева.

Августинъ. Ты объясни, какимъ образомъ царство грѣха пало съ пришествіемъ закона, какъ ты ранѣе сказалъ (II, 198), тогда какъ апостолъ говоритъ, что грѣхъ сталъ изобилывать съ пришествіемъ закона. А я твердо держусь того, что сказалъ. Первородный грѣхъ былъ и прежде закона, такъ какъ вошелъ въ міръ чрезъ одного человѣка и вмѣстѣ съ нимъ смерть перешла на всѣхъ людей. Былъ и произвольный грѣхъ, поелику согрѣшившіе безъ закона безъ закона и погибли. А законъ пришелъ послѣ, чтобы изобилывалъ грѣхъ, потому что къ различнымъ видамъ грѣховъ, бывшихъ до закона, присоединился и тотъ, который называется преступленіемъ, ибо гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ и преступленія. Итакъ, когда грѣхъ сталъ изобилывать всѣми этими формами грѣховъ, преизобиловала благодать, потому что она уничтожаетъ всякую вину грѣха въ тѣхъ, коихъ она коснулась, и кромѣ того даруетъ то, что услажденіе грѣхомъ побѣждается услажденіемъ праведностію и чтобы человѣкъ достигалъ затѣмъ той жизни, гдѣ не будетъ совершенно никакого грѣха (II, 217).

Юліанъ. Конечно ты признаешь, что въ данномъ текстѣ апостолъ, говоритъ о первородномъ грѣхѣ. Онъ сказалъ выше, что грѣхъ былъ въ мірѣ до закона, чтобы понятно было, что послѣ закона онъ пересталъ быть; а теперь говоритъ объ этомъ же самомъ грѣхѣ, что онъ началъ возрастать и изобилывать послѣ закона. Мы показали выше, что при православномъ пониманіи понятны и тѣ и другіе слова апостола, но какимъ образомъ примирить съ твоимъ ученіемъ ту и другую мысль, т. е., что грѣхъ пересталъ существовать и онъ же сталъ возрастать съ пришествіемъ закона? Итакъ, какимъ же образомъ послѣ закона изобилуетъ первородный грѣхъ? Можетъ быть, половые члены стали сильнѣе возбуждаться, такъ что изъ усиленія движеній

возросла сила грѣха? Или можетъ быть новорожденнымъ данъ законъ, чтобы они побуждались исправить то движеніе, которое имѣли родители, рождая ихъ?

Августинъ. Неужели мы гдѣ-нибудь сказали, что первородный грѣхъ появился послѣ закона. Неужели мы такъ толкуемъ слова апостола: законъ пришелъ послѣ, чтобы изобиловало преступленіе? Изобиловало не потому, что создало тотъ родъ грѣха, который существовалъ уже прежде, но потому что прибавился иной родъ грѣха, котораго не было до закона, т. е., преступленіе. А вождельніе относится къ плоти и похоть — къ половымъ членамъ, противъ которой ведетъ борьбу чистота святыхъ. А похоть эта, какими бы похвалами ты не прославлялъ ее, есть порокъ, противъ котораго справедливо ведутъ борьбу воины Христа. Чрезъ нее плоть человѣческая, которая рождается, есть плоть грѣха, посему и не пожелалъ родиться чрезъ нее Тотъ, Кто родился въ подобіи плоти грѣха (Рим. VIII, 3). Отъ этой похоти чрезъ рожденіе наслѣдственно передаются узы первороднаго грѣха (II, 218).

Юліанъ. Итакъ, что же послѣ закона прибавилось къ первородному грѣху, который не только не осужденъ, но и не упоминается въ законѣ? Конечно, ты не будешь настолько безуменъ, чтобы увѣрять, что чрезъ обрѣзаніе передача грѣха стала больше. А при православномъ пониманіи, признающемъ грѣхъ только въ волѣ преступника, слова апостола совершенно ясны. Апостолъ говоритъ, что до закона былъ грѣхъ, чтобы внушить, что съ пришествіемъ закона явилось преступленіе, нарушеніе данныхъ заповѣдей, и такимъ образомъ грѣхъ изобиловалъ съ пришествіемъ закона, хотя законъ данъ не для того, конечно, чтобы чрезъ него смертные становились худшими. Законъ — не грѣхъ и не причина грѣха, заповѣдь свята, праведна и блага (Рим. VII, 7, 12), но такъ какъ извращенность преступниковъ нанесла себѣ рану тѣмъ мечемъ, какимъ должна была исцѣлиться, и воспротивилась волѣ Божіей, не пожелавъ склониться туда, гдѣ должна была получить исцѣленіе, то апостолъ сообразно обстоятельствамъ говоритъ, что рѣшеніе божественной воли, которою данъ былъ законъ, потерпѣло обиду. И такъ какъ того исправленія, для котораго данъ былъ законъ, не оказалось, но случилось на первыхъ шагахъ совершенно противное, то апостолъ и говорить, что нечестіе грѣшниковъ дошло до того,

что стало казаться, будто законъ данъ для того, чтобы нечестивые стали еще болѣе нечестивыми и чтобы къ грѣху прибавилось преступленіе.

Августинъ. Намѣреніе божественной воли не могло потерпѣть обиды отъ людей и потому неправда, что законъ не достигъ того, для чего данъ. Ужели всевѣдущій Богъ обманулся въ Своихъ предположеніяхъ? *Много замысловъ въ сердцѣ человека, но состоится только определенное Господомъ* (Прит. XIX, 20). Если хочешь знать, какая была цѣль у всемогущаго и всевѣдущаго Бога при дарованіи закона, выслушай апостола: *еслибы данъ былъ законъ, могущій животворить, то подлинно праведность была бы отъ закона, и какъ будто бы мы спрашивали, для чего же данъ законъ, продолжаетъ: Писаніе всѣхъ заключило подъ грѣхомъ, дабы обитованіе върующимъ дано было по вѣрѣ въ Иисуса Христа* (Гал. III, 21—22). Вотъ какая была цѣль дарованія закона. Кто не знаетъ, что грѣхъ изобиловалъ съ пришествіемъ закона по причинѣ испорченности людей, а не закона? Эту испорченность, по которой правится все запрещенное и законъ становится силою грѣха (1 Кор. XV, 56), врачуетъ только Духъ животворящій, а не бурева убивающая; однако и послѣдняя была полезна въ томъ отношеніи, что, убивая сама чрезъ усиленіе страсти къ грѣху отъ запрещенія, заставляла искать Духа животворящаго и побуждала самонадѣяннаго человѣка просить помощи божественной благодати подъ закономъ, хотя благимъ и святымъ, но недостаточнымъ, безсильнымъ для совершенія того, что свято и праведно и благо (II, 220).

Только упорствомъ въ заблужденіи можно объяснить нежеланіе Юліана понять очевидную и безспорную мысль, что безсиліе закона оправдать людей, вытекающее изъ безсилія людей исполнить законъ, свидѣлствуетъ о ненормальности, о глубокомъ разстройствѣ человѣческой природы; рѣчь Августина въ данномъ случаѣ пріобрѣтаетъ силу неотразимой убѣдительности. Но и онъ проявилъ прискорбное упорство въ предвзятомъ мнѣніи о первородномъ грѣхѣ, не обративъ вниманія на ясныя и неотразимыя доводы Юліана противъ этого мнѣнія. Изъ всей изложенной полемики его съ Юліаномъ ясно открывается, что напрасно онъ въ подтвержденіе своего ученія о первородномъ грѣхѣ ссылался на V главу посланія къ Римл.; это ученіе не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ ап. Павла.

Такъ какъ и во всемъ Св. Писаніи Августинъ не могъ найти основаній для своего понятія о первородномъ грѣхѣ, то въ защиту этого понятія онъ въ полемикѣ съ пелагіанами прибѣгаетъ къ различнымъ соображеніямъ разума. Такъ, въ доказательство той мысли, что всѣ люди дѣйствительно участвовали въ совершеніи перваго грѣха Адамомъ, почему этотъ грѣхъ справедливо лежитъ на всѣхъ ихъ, какъ на Адамѣ, Августинъ указываетъ на божественное правосудіе. Передача людямъ всѣхъ послѣдствій грѣха Адамова, какъ-то: ослабленіе всѣхъ духовныхъ способностей и тѣлесныхъ силъ человѣка, бѣдственность жизни и смертность, была бы непонятна и не примирима съ божественнымъ правосудіемъ, если бы люди не заслужили всего этого собственною виною; но такую виною въ неразумныхъ младенцахъ не могутъ быть ихъ собственные грѣхи, а можетъ быть только тотъ грѣхъ, который они совершили въ Адамѣ. Это соображеніе Августина было направлено противъ утвержденія пелагіанъ, что вмѣненіе людямъ чужого грѣха, Адамова, несовмѣстимо съ божественнымъ правосудіемъ, карающимъ за грѣхи свободной воли. Утверждая, что грѣхъ Адамовъ не есть чужой для потомковъ Адама, а есть общій грѣхъ всѣхъ, Августинъ въ свою очередь указываетъ пелагіанамъ, что, напротивъ, несовмѣстимо было бы съ божественнымъ правосудіемъ наказывать столь тяжело, какъ наказаны всѣ люди, безъ вины и при томъ вины тячайшей, каковою могъ быть только общій всѣмъ первый грѣхъ въ родѣ человѣческомъ. При попеченіи всемогущаго и правосуднаго Бога, пишетъ Августинъ, ни въ какомъ случаѣ не могли бы постигнуть родъ человѣческій столь великія бѣдствія, если бы они не были заслужены первымъ грѣхомъ.—Не безъ божественнаго правосудія тяжкое иго лежитъ на всѣхъ сынахъ человѣческихъ отъ дня исхода ихъ изъ чрева матери (Еккл. XI, 1): это было бы несправедливо, если бы не было первороднаго грѣха.—По какой справедливости на дѣтяхъ лежитъ столь тяжкое иго и великія несчастія? По какой справедливости одинъ человѣкъ усыновляется въ крещеніи, а другой умираетъ безъ усыновленія? Почему не общая честь для обоихъ? Почему человѣкъ подобенъ суетѣ (Ис. CXLIH, 4)?—Правосудіе всемогущаго Бога не отказывало бы въ благодати крещенія безчисленнымъ дѣтямъ, умирающимъ безъ крещенія, если бы они ничего дурного не заслужили въ сокровенномъ судѣ Его. Кои по

благодати, а не по своимъ заслугамъ освобождаются отъ этого суда. справедливо постигшаго весь родъ Адама, тѣ пусть хвалятся о Господѣ, а не своими заслугами. — Почему душа необрѣзаннаго въ 8-й день истреблялась, если не было первороднаго грѣха? — Если бы не переходилъ грѣхъ Адама, не рождался бы каждый человѣкъ съ закономъ грѣха ¹⁾. Этотъ аргументъ Августина имѣетъ нѣкоторую долю убѣдительности, но Августинъ забываетъ, что по этой логикѣ дѣти, наслѣдующіе отъ родителей чахотку, алкоголизмъ, нервныя болѣзни, должны быть признаны виновными въ томъ, что родители ихъ нажили эти болѣзни. Если люди не могутъ страдать невинно, то ясно, что нужно искать какую-нибудь вину въ тѣхъ дѣтяхъ, кои рождаются съ наслѣдственными болѣзнями. Однако Свящ. Писаніе рѣшительно отвергаетъ мысль, что люди страдаютъ непремѣнно за какую-нибудь собственную вину; въ этомъ безусловно убѣждаетъ исторія Іова и слова Господа о слѣпорожденномъ: *ни сей согрѣши, ни родители ея*, при чемъ Господь указываетъ и смыслъ страданій слѣпорожденнаго: *да явятся дѣла Божіи на немъ*. Съ этой точки зрѣнія страданія дѣтей и страданія всего рода человѣческаго становятся понятными безъ предположенія какой-то природной виновности всѣхъ, какого-то природнаго грѣха: падшему состоянію человѣческой природы вполне соответствуютъ и полезны страданія. Здѣсь такимъ образомъ упраздняется вопросъ, справедливо ли и за какую вину опредѣлены эти страданія; нужно спрашивать не откуда страданія, а для чего страданія (такъ ставилъ вопросъ о страданіяхъ невинныхъ дѣтей Ѳ. М. Достоевскій въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»); тогда смыслъ ихъ будетъ ясенъ.

Далѣе, доказательство виновенія всѣмъ людямъ грѣха Адамова Августинъ видѣлъ въ церковной практикѣ крещенія дѣтей въ оставленіе грѣховъ, разсуждая въ томъ смыслѣ, что дѣтямъ, не имѣющимъ собственныхъ грѣховъ, прощается въ крещеніи грѣхъ Адамовъ, первородный грѣхъ: «если дѣти получаютъ крещеніе въ оставленіе грѣховъ, а собственныхъ грѣховъ не имѣютъ, то ясно, что въ крещеніи имъ прощается первородный грѣхъ» ¹⁾.

¹⁾ Op. imp. I, 31. 35. 36. 39. 49. 50. 53. 57. 72. 92; II, 13. 16. 18. 22. 63. 74. 117. 119. 125. 236; III, 2—84. 154 IV, 184; VI, 20. 21; Contra Julian. III, 9. 10. 11. 12. 25; VI, 32 и мн. др.

²⁾ De pecc. mer. I, 64; c. XVI—XXXIX; De natura et gratia. n. 9;

Здѣсь необходимо выяснитъ, почему и насколько справедливо Августинъ училъ, что дѣти получаютъ крещеніе именно въ оставленіе грѣховъ, а не ради, напр., освященія и обновленія ихъ природы, какъ учили пелагіане. Основаніе для своего мнѣнія Августинъ видѣлъ въ словахъ символа вѣры: «исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ». Такъ какъ крещеніе и надъ дѣтьми совершается точно такимъ образомъ, какъ и надъ взрослыми, то, по мнѣнію Августина, и дѣйствія крещенія взрослыхъ и младенцевъ одни и тѣже: прощеніе грѣховъ и обновленіе природы. Но Августинъ не обратилъ вниманія на то, что въ крещальной формулѣ совершенно не упоминается о прощеніи грѣховъ, а въ словахъ Символа вѣры о внутреннемъ возрожденіи природы. При погруженіи крещаемого въ воду произносятся слова: «крещается рабъ Божій (N) во имя Отца и Сына и Св. Духа»; эта формула, очевидно, не даетъ никакихъ основаній утверждать, что дѣйствія крещенія должны быть непременно однообразны для дѣтей и взрослыхъ. Самые же слова Символа вѣры, очевидно, не выражаютъ всѣхъ плодовъ крещенія, а указываютъ только на главнѣйшее дѣйствіе его, иначе было бы сказано и о внутреннемъ возрожденіи, которое происходитъ при крещеніи. Если же въ словахъ Символа вѣры указана только самая общая мысль, обозначено главнѣйшее дѣйствіе крещенія, то ясно, что для богословской мысли оставлена свобода выяснитъ все значеніе крещенія, показать и иные плоды крещенія, кромѣ прощенія грѣховъ. Вопросъ же о томъ, совершается ли при крещеніи прощеніе грѣховъ и дѣтямъ, въ словахъ Символа вѣры не затронуть. Если относиться къ словамъ Символа вѣры такъ ригористично, какъ относился Августинъ, то нужно признать и въ дѣтяхъ не одинъ первородный грѣхъ, а множество грѣховъ, потому что сказано: «во оставленіе грѣховъ».

Насколько слабъ оказался Августинъ въ защитѣ того положенія, что дѣти получаютъ въ крещеніи прощеніе первороднаго грѣха, это всего яснѣе открывается изъ его полемики съ Юліаномъ по вопросу о крещеніи дѣтей. Насъ обвиняютъ, пишетъ Юліанъ, въ отрицаніи необходимости благодати Христовой для дѣтей. Но мы считаемъ благодать кре-

щенія полезною для людей всякаго возраста, такъ что ана-
ематствуемъ всѣхъ, кои не считаютъ ее необходимою для
дѣтей. Но эту благодать мы считаемъ обильною духовными
дарами, раздаваемыми по способности воспринимающихъ. Ибо
какъ различныя искусства не терпятъ ущерба или прибыли
отъ различія употребляемаго матеріала, такъ и *единая тѣра*
и *единое крещеніе* (Еф. IV, 5) умножаются и расширяются
въ дарахъ, но не измѣняются въ порядкѣ таинствъ. Эта бла-
годать, омывающая пятна нечестія, не противна правдѣ, она
не производитъ грѣховъ, но очищаетъ ихъ; она освобождаетъ
виновныхъ, а не невинныхъ. Ибо Христосъ, Искупитель
Своего творенія, съ непрерывною щедростію увеличиваетъ
Свои благодѣянія по отношенію къ Своему творенію; коихъ
Онъ создалъ при твореніи добрыми, тѣхъ при обновленіи и
усыновленіи дѣлаетъ лучшими. Заслуживаетъ лишенія всѣхъ
благъ тотъ, кто отрипаетъ эту благодать, чрезъ которую
смертнымъ дается: 1) прощеніе виновнымъ, 2) духовное про-
свѣщеніе, 3) усыновленіе Богу, 4) гражданство въ небес-
номъ Іерусалимѣ, 5) освященіе и полученіе достоинства чле-
новъ Христовыхъ и 6) обладаніе царствомъ небеснымъ.

Въ отвѣтъ на такую рѣчь Августину естественно слѣдо-
вало показать, что дѣйствія благодати Божіей на крещаемыхъ
дѣтей непремѣнно обнимаютъ и прощеніе грѣховъ. Но онъ
въ своемъ отвѣтѣ совершенно уклоняется въ сторону отъ
вопроса. Изъ всѣхъ, пишетъ онъ, перечисленныхъ даровъ
Божіихъ ты не относишь къ дѣтямъ прощеніе грѣховъ (этой
мысли Августину и слѣдовало держаться, но онъ сейчасъ же
оставляетъ ее). Почему же признаваемые тобою дары Богъ
даетъ не всѣмъ дѣтямъ, такъ какъ многіе умираютъ безъ
благодати? Почему имъ не дается духовное просвѣщеніе, усы-
новленіе Богу, освященіе и пр.? Почему всемогущій Богъ не
даетъ этихъ столь необходимыхъ даровъ существамъ, создан-
нымъ по образу Его и не имѣющимъ, по вашему мнѣнію,
никакого грѣха? Правосудіе всемогущаго Бога не отказало бы
въ этихъ дарахъ безчисленнымъ дѣтямъ, умирающимъ безъ
крещенія, если бы они не заслужили ничего злого въ сокро-
венномъ судѣ Его. Оставьте Христу быть Іисусомъ и для
дѣтей; этого не будетъ, если Онъ не принесъ имъ спасенія
отъ грѣховъ ихъ, какъ показываетъ самое имя (Мѣ. I, 21).
Вы не признаете, что и къ дѣтямъ оносится эта благодать,
пока не признаете, что небеснымъ рожденіемъ дѣти освобо-

ждаются отъ узъ земного рожденія ¹⁾. Такимъ образомъ здѣсь Августинъ нисколько не выяснилъ, почему въ крещеніи дѣтей необходимо предполагать прощеніе грѣховъ. Указаніе на имя «Иисусъ», къ которому часто прибѣгаетъ Августинъ, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ разсматриваемому предмету. Что же касается вопроса о томъ, почему правосудный Богъ не всѣхъ дѣтей удостоиваетъ благодатныхъ даровъ крещенія, то этотъ трудный вопросъ въ данномъ случаѣ является обоюдоострымъ. Если бы Юліанъ предложилъ этотъ вопросъ Августину, то послѣдній оказался бы едва ли не въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ Юліанъ, потому что, по Юліану, крещеніе дѣтей не имѣло такого рокового значенія, какое придавалъ ему Августинъ; онъ училъ, что и некрещенныя дѣти не погибнуть и не наследуютъ участь діавола, какъ училъ Августинъ, а будутъ только лишены царства Божія, т. е., высшей степени блаженства и близости къ Богу, и это лишеніе естественно вытекало изъ низкой степени ихъ совершенства. Августинъ же на поставленный вопросъ могъ отвѣчать и дѣйствительно отвѣчалъ въ духѣ безусловнаго предопредѣленія, которое потому въ данномъ случаѣ ужасаетъ человѣческую мысль, что отъ этого предопредѣленія, по Августину, зависитъ осужденіе дѣтей на вѣчныя мученія вмѣстѣ съ діаволомъ.

А. Кремлевскій.

¹⁾ Ор. imp. I, 53.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки